

МАНИФЕСТ ВЛАДИМИРА МУКУСЕВА

Попытка беспристрастного интервью с аутсайдером

НЕ В БРОВЬ...

Мне достаточно много неприятных упреков довелось выслушивать за публикацию в "Московском комсомольце", "Неделе" и "Новом Взгляде" бесед с "теле-предателями" Ломкиным и Мукусевым. Дескать, забвение для телевизионщиков есть смерть, а эти-де, большего не заслужили. С первым (на счет забвения) согласен, а вот насчет свирепой кровжадности наших сограждан разговор особый... Замечу лишь, что ни один из экс-ведущих "Взгляда" на казнь не набрал. На мой взгляд, и карать их остракизмом не очень-то справедливо.

В следующую субботу мы опубликуем еще одну субстранный беседу с Ломкиным, а вот что касается этого интервью... Было так. Я записал две кассеты. Из расшифровки сделал три объемных текста. Отдал Мукусеву на "визу". Он их доработал. В результате мне пришлось уже сверстанный "Московский комсомолец" материал менять на мукусевский вариант. Там коллеги пошли мне навстречу. А вот с "Неделей" вышло хуже. Редакция еженедельника кое-что сократила в интервью, и депутат от "Взгляда" накатал туда гневную телегу.

Меня покорило. Но... взялся за гуж... Короче, я решил сдержать данное Владимиру слово и опубликовать третий кусок. Предложил "Независимой газете". Ответ получил... из ВИДа. Выяснилось, что редактор "НГ" Третьяков консультируется по поводу "спорных" материалов с начальством. В данном случае - с телевизионным. Газете рекомендовали интервью не публиковать.

Я и сам считаю, что многие наезды и оценки Мукусева несправедливы. И то, что под материалом стоит моя подпись, вовсе не значит, что я разделяю взгляды изгнанного из ВИДа журналиста. Но коль скоро он уверяет, что ни одно издание слова ему не дает, полагаю: свою версию "видовских" раскладов человек, работавший во "Взгляде" с самого начала - право продекларировать имеет. Хотя... сомневаюсь, что публикация данного текста поможет Мукусеву. А нашему еженедельнику может лишь навредить. Однако: слово дороже денег. Я его давал. И по-хозяйски взяты обратно, увы, не решусь. И так...

РЕЗОНАНС

— Еще в 1978 году, когда я переехал из Ленинграда в Москву и меня взяли на работу администратором в Главную редакцию программ для молодежи ЦТ, я был убежден, что уйдя из нее только на пенсию. И все годы моей работы там те, кто составлял костяк редакции и имена которых знала вся страна, и те, чьи фамилии в титрах наших передач мало что кому-нибудь говорили, передавали мне свои знания, опыт, мастерство. И не только в профессиональном плане. Меня учили жизни, в полном смысле этого слова. И я до последних дней буду помнить об этом. Именно благодаря этим замечательным людям я прошел путь от администратора до главного выпускающего программ и ведущего "Взгляда". И как хотелось работать дальше! Но руководство редакции и телевидения вместе с ВИДовскими кукушатами решили по-своему. Главный редактор Пономарев заявил мне, что, конечно, как депутат я могу остаться работать в редакции, но товарищ Кравченко считает, что с моими политическими взглядами в идеологической организации, которую возглавляет коммунист, мне делать нечего. Кроме того, есть коллективное письмо, в котором мои коллеги отказываются со мной работать. Это было уже слишком. Я потребовал показать мне его. И что же выяснилось? Действительно, четыре человека подписали такое письмо-отречение. Одна фамилия мне была вообще неизвестна. Две другие подписи принадлежали девочкам, которые пришли в редакцию два месяца назад, редактировали тексты Кириллова и к "Взгляду" практически не имели отношения. А возглавляла список "отреченцев" подруга моей бывшей жены, в свое время написавшая "разоблачительное" письмо-пакость руководителем редакции.

А теперь давай думать: кто от этого выиграл? Я, естественно, проиграл. Потому что потерял то главное, ради чего жил. Не просто работу, а работу любимую, работу, которую, ей-Богу, знал и умел делать не хуже, а лучше многих. К сожалению, дрягни и скандалы в творческих коллективах, в том числе в телевизионных редакциях, неизбежны. Но не везде. Мой небольшой опыт работы в составе команды фирмы Донохью и в Москве и в Нью-Йорке говорит о том, что там все без исключения работают на одного — лидера, чаще всего ведущего программы. Это ставит все и всех на свои места. И места для амбиций, сплетен, доносов там нет и быть не может. Случайные из таких команд изгоняются немедленно, иначе страдают все. То есть работают только те, кто может работать. У нас же

все наоборот. Стоит тебе доказать делом, что ты можешь работать не только за кадром, но и в кадре и быть лидером команды, как ненависть твоих же коллег растет прямо пропорционально твоей популярности, причем не тех, с кем ты работаешь непосредственно, т.е. режиссеров, авторов, операторов (которые и делают в конечном счете тебя звездой), а тех, кто при этом лишь присутствует, вечно жалуясь на маленькую зарплату, огромную занятость и некомпетентность и бездарность лидера.

— Ты считаешь, что Мукусев и "Взгляд" суть тождественные вещи?

— Сомневаюсь! Ведь "Взглядом" назывались две по сути разные программы. Разные по манере ведения, монтажу, содержанию, и это было нор-

принципу политической благонадежности, личной преданности и верности "идеалам коммунизма". Профессионализм — вот что стояло зачастую на первом месте. Да, трудно, практически невозможно было говорить с экраном правду, не прибегая к эзопову языку, но в то же время не было и не могло быть халтуры. За нее люди изгонялись с телевидения даже скорее, чем за смелость высказывания. Сегодня же те, кто не имел доступа на широкий экран лишь по причине своей профнепригодности, заполнили эфир огромным количеством дешевки, пошлости, не скрывая при этом своих элементарных меркантильных интересов. А разве в кино, в театре, литературе сегодня положение лучше? И так будет до тех пор, пока в храме искусства — телевизионного, те-

компаний, работал у них в подчинении долгие годы. И в "огоньковском" интервью ты очень тепло и уважительно отозвался о них. Тем не менее ваши дороги разошлись.

— Ты имеешь в виду Сагалаева и Лысенко? Да, это одно из самых темных для меня мест во всей этой давней истории изгнания меня с ЦТ. Если бы она не имела продолжения, то и говорить было бы не о чем. Впрочем, все по порядку. Действительно, в 1978 году, когда я пришел в молодежку, Лысенко работал редактором-консультантом, а Сагалаев — заместителем главного редактора. То есть первый в меньшей, а второй в большей степени взяли меня под свою опеку. Я относился к ним обоим одинаково почтительно, хотя и чувствовал, что между ними существует,

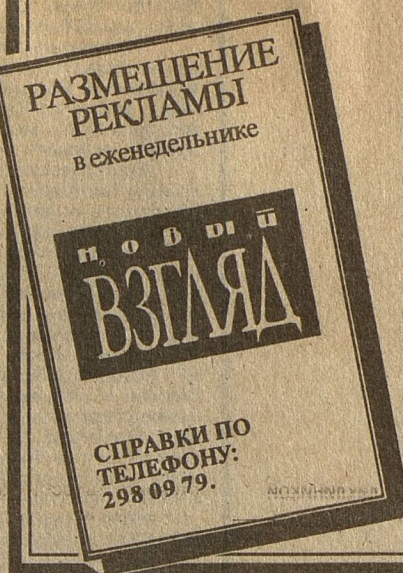
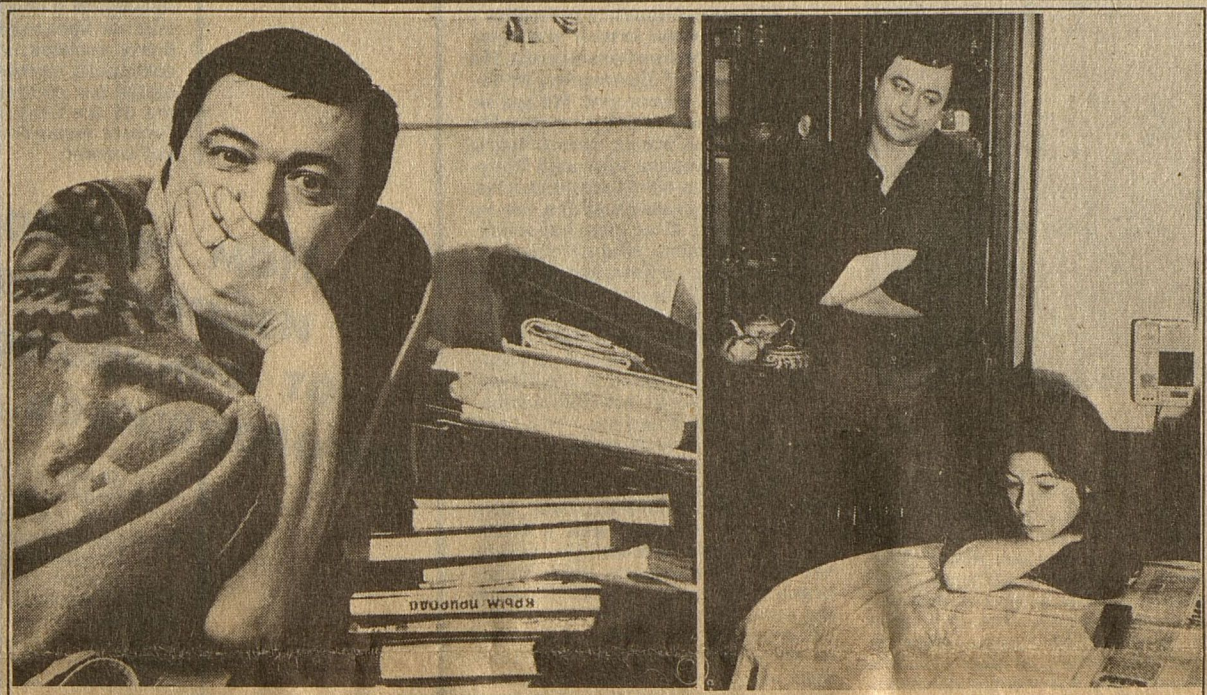
смог перейти с ним на "ты". Настолько глубоко я уважал его как талантливого журналиста (вспомните хотя бы "Двенадцатый этаж", "Взгляд", "Семь дней") и как прекрасного организатора телевизионного процесса. Редчайшее сочетание. И сколько бы мне ни наговаривал на него тот же Лысенко, я не слушал и слышать не хотел ничего плохого о своем идеале. И вот это самый "идеал" вместе со своим "другом" Лысенко стали соавторами гнусного политического доноса на меня, который отправили в редакцию "Огонька". Там были настолько потрясены этим откровенным рецидивом 37-го, что категорически отказались его печатать. Правда, через несколько дней Сагалаев сам попросил снять его подпись с письма. Почему эти люди, тайно ненавидящие друг друга, вдруг объединились в столь неблагоприятном деле? Не знаю. Но думаю, что не только узвленное самодушие Лысенко сыграло здесь главную роль. С ним все ясно. А вот Сагалаев... Здесь все сложнее. Перестроечные ветры выдули из цеховских кабинетов, отделов пропаганды ЦК КПСС и ВЛКСМ тех, кто руководил идеологией. И заведомо, инструктора и другая партноменклатура, осела в редакциях газет, журналов, на телевидении. И стала медленно, но верно прибираться к рукам ту власть, которая стала выпадать из трясущихся рук старой партийной гвардии. Произошел медленный, тихий переворот. Обладая прекрасной способностью к мимикрии, эти люди вскоре возглавили издания и передачи, обличавшие застой. А если учесть, что эти "новые" были не только молоды, но и бесконечно циничны, не только грамотны, но и хитры и беспринципны, то очень скоро практически вся официальная пресса и телевидение оказались в их руках. Кроме того, чтобы стать зав. отделом ЦК или зам. главного, а тем более главным редактором какой-либо редакции, в большинстве случаев надо было переступить порог Лубянки.

РЕЗЮМЕ

— Поэтому естественно, когда я в своем интервью не просто задел партийную номенклатуру, а высказал мнение о том, что руководство КПСС (и живое и мертвое) необходимо судить, то я противопоставил себя Системе, тем более, что я раскрыл и попытку вербовки меня КГБ. Сагалаеву надо было выбирать. Либо открыто встать на мою сторону, а значит, естественно, стать врагом Системы, либо, как сказал Александр Тихомиров, открыто "сдать" Мукусева. Сагалаев выбрал второе. Не только подписав на меня письмо в "Огонек", но и заявив о моей отставке с должности директора Союза кабельного телевидения СССР. Что ж, чисто человечески понять его можно. Ведь у члена Системы есть только два пути: либо с ней, а значит постоянное повышение по службе, почет и уважение, либо в окно или в петлю. Наивно думать, что та номенклатура, которая десятилетиями воспроизводила себе подобных, куда-то после Августа-91 вдруг исчезла, растворилась, дематериализовалась. Наоборот, особенно это чувствуется последнее время, она оправилась, консолидировалась и ведет сейчас тонкую, умную работу по медленному возвращению себе того, что от них ушло — власть, влияние и, как следствие, привилегии. И делается это при помощи структур бывшей Госбезопасности, которая прослушивает и записывает телефонные переговоры не только народных депутатов-демократов, но и правительства и руководства Верховного Совета. Что не опровергнуть и сам министр Баранников на слушаниях в парламенте о роли КГБ в августовских событиях. А мне сообщали, что на папках с расшифровками телефонных переговоров депутатов есть гриф "Хранить до 1995 года". То есть до тех пор, пока будет действовать наша депутатская неприкосновенность. Что будет дальше с нами, нетрудно догадаться. Впрочем, дело не в нас. Что будет со страной? Ведь если придет бывшая партноменклатура к власти, то немедленно заснут по городам черные грузовики-"машки", застучат топоры на лесоповалах, загремят выстрелы, польется кровь невинных, а на столы очередей хватят и абакумовых, в дела новых врагов народа лягут и записи телефонных разговоров нынешних демократов. Дай Бог, чтобы всего этого не было! Но то, что происходит сегодня, и то, как Ельцин летит к своему Форосу, к сожалению, не дает повода для оптимизма.

Изгнанника выслушивал Евгений ДОДОЛЕВ.

Фото Алексея АЗАРОВА.

мально. Мало того, в этой своеобразной конкуренции выигрывал зритель, потому что кто-то любил Мукусева и ненавидел Любимова, кто-то наоборот, а смотрели все. Ведь в основном — нашей политической позиции — и в оценках происходящего в стране, в истории "Взгляд" был един. Вот почему мы так долго лидировали в списке популярности. Меня не стало. И что? Ведь все осталось у ВИДа. И деньги, и прекрасная аппаратура, и тысячи обслуживающего персонала, и вдруг ставшее ласковым начальство, и сам этот голубой куб "Останкина", а главное — эфир, прямой эфир на многомиллионную аудиторию. Пожалуй, ребята, работайте! И что же? Какие-то обзанные матадоры и шоу-бизнсы? И это на том месте, где три года существовал некий журналистский храм под названием "Взгляд"?! А сегодня вместо разрушенного "Взгляда" некая лужа под названием ВИД. Руководители которого со страниц газет кичатся своими доходами, а Передача где? Зачем тогда все это? Кто спорит, нужны. Ой как нужны сегодня и "поля чудес" и музыкально-развлекательные молодежные шоу. Но не вместо, а вместе с настоящей публицистикой, яркими, острыми политическими программами. И критерий оценки должен быть один — не удобство и благожелательство очередного телевизионного либо просто президента, а качество, мера таланта, уровень передачи и ее создателей. Можно по-разному относиться к телевидению времен застоя. Безусловно, прежде всего оно было частью чудовищной системы обывания людей. Но хоть и подлые, но далеко не дураки работали на Старой площади. И подбирали они штаты в средствах массовой информации далеко не только по

атрального, любого другого, будут хозяйничать торговцы.

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ ПОВОРОТ

— Ты что же, против "рынка"? — Конечно, нет. Я хочу зарабатывать много денег и могу это делать. Но я против денег ради денег. Этот принцип хорош для сферы торговли, а не журналистики.

— И так, все проиграло из-за твоего ухода с телевидения. Но кто-то это организовал. Значит кто-то от этого выиграл?

— Конечно — руководство сегодняшних телекомпаний. С моим уходом, да и не только с моим, меньше осталось тех, с кем нужно было спорить, портить из-за этого кровь, здоровье. А значит жить стало лучше, жить стало веселее.

— Ты специально упрощаешь ситуацию? Неужели ты думаешь, что сегодня на телевидении страсти бушуют меньше, чем при тебе?

— Мне кажется, что страсти сегодняшние далеки от проблем повышения качества конкретных передач и создания новых. В нижних телестажках идет борьба за рекламный рубль или доллар, в средних — бесконечное деление телевизионного железя и площадей между двумя сестрами-близнецами — двумя российскими телекомпаниями. Ну а в верхних — борьба за власть, борьба за кресло и за близость его к креслу сегодняшнего руководителя страны.

— Ты был знаком с обоими директорами сегодняшних российских теле-

правда, не на людях, откровенная недоброжелательность. Анатолий Лысенко — грамотный, эрудированный журналист, был источником самой разнообразной информации для молодых журналистов, что, безусловно, помогло нам при подготовке передач избегать тайных и явных идеологических камней. То есть он действительно был консультантом. Но как человеку творческому ему безусловно хотелось делать и какое-то свое дело. Но такого дела не было. А были отдельные редкие передачи либо сюжеты в чужих программах. Ну а когда он был назначен заместителем главного редактора, вообще стало не до творчества. Ему поручили курировать "Взгляд". И он вынужден был превратиться в эдакого мальчика для битья, в котором начальники разных уровней срывали свою злость, либо в телефонную барыню, через которую высшее телевизионное руководство передавало нам, тем кто делал "Взгляд", свои "руководящие" указания. Ну а в свободное от этих дел время Лысенко наговаривал каждому из нас гадости про другого, считая, по-видимому, что принцип "разделяй и властвуй" — лучший и главный принцип руководителя. Ну а с назначением его директором Госсийской телерадиоконпании, я думаю, что надежды на то, что этот безудовольно одаренный человек скажет наконец, свое слово в тележурналистике и сможет реализовать себя, растаяли — впрочем, времена меняются, и, как знать, может быть, Анатолий Лысенко еще вернется в наши не очень стройные ряды.

Что касается Эдуарда Михайловича Сагалаева, то, несмотря на тридцать лет совместной работы и незначительную разницу в возрасте, я так и не

* Материал был подготовлен до ухода Э.М.Сагалаева с его "останкинского" поста.